

Наконец, они потратили немного времени, чтобы вырубить просеку и поджечь сухую траву. Разумеется, Ду Чжунпин был с Цзинь-эром, так что основную работу делал Ду Ань.

Выбрав безветренный день, они принялись жечь траву, не сводя глаз с поля, — боялись, как бы огонь не перекинулся.

Пока горело, Ду Чжунпин обсудил с Ду Анем одну мысль. Неподалёку от их участка река делала крутой поворот, и там лежала низкая пологая площадка — аккурат для рисового поля, шесть-семь му. Он давно приметил это место.

Ду Ань, выросший на юге и привыкший к рису, с радостью согласился. Решили, что после осенней страды пойдут к старосте.

Справившись со своим участком, они оказались не у дел.

Вспомнили про соседей — те в последние дни уходили затемно и возвращались затемно, их и не виделось вовсе. Наверное, очень тяжело. Вечером Ду Ань специально сварил побольше. Ду Чжунпин заметил, что от тяжёлой работы, наверное, не наедаются.

Тогда Ду Ань, по местному обычаю, поставил на огонь большую железную сковороду, в середину налил жидкой каши, положил четыре вымытых солёных яйца, а по краям облепил лепёшками из кукурузной муки. Сковорода была большая — теста ушло целое корыто. Получилось и первое, и второе. Потом достал маринованные баклажаны, порвал их, сбрызнул кунжутным маслом и перемешал.

Когда совсем стемнело, со двора по соседству донёлся скрип повозки. Ду Ань велел Ду Чжунпину накрывать стол и остаться с Цзинь-эром, а сам пошёл помочь разгрузиться и позвать соседей ужинать.

Ду Чжунпин ждал добрых полчаса, пока те пришли. Когда гости вошли, он уже всё расставил, даже воду для умытья приготовил.

Сев за стол и разглядев соседей при свете лампы, Ду Чжунпин ахнул. Чжао Ба был ничего, лишь почернел да похудел, а вот Фан Шэн, который и так был мельче, совсем осунулся, кожа на открытых местах облезала — лицо стало неузнаваемым.

Не стал расспрашивать, торопил всех приняться за еду. Чжао Ба, по своему обыкновению, брякнул «Спасибо!» — и сразу налег. Видно, каша была горяча, поэтому он ел лепёшки с соленьями. Словно с голодухи.

Фан Шэн, кажется, вовсе не хотел есть. Помешивал кашу палочками, дул на неё, потом, когда остыла, отдал Чжао Ба, а сам принялся за свою.

Ду Чжунпин заранее отлил погуще, чтобы покормить Цзинь-эра, теперь поил его с ложечки, не обращая внимания на остальных.

Ду Ань, глядя на Чжао Ба и Фан Шэна, очистил солёные яйца и положил им в миски. Потом очистил одно Ду Чжунпину и лишь затем принялся за своё. За столом стоял лишь звук чавканья.

Накормив Цзинь-эра, Ду Чжунпин отпустил его играть и наконец сел ужинать. Чжао Ба, немного утолив голод, оживился и, прихлёбывая кашу с соленьями, принялся хвалить закуску Ду Чжунпина.

Фан Шэн тоже пришёл в себя и усмехнулся:

— Полтарелки уже умял, а теперь вежливость вспомнил.

Чжао Ба рассмеялся:

— Голодный был, только и думал, как бы в рот побольше запихнуть, какой уж там вкус! — Потом добавил:

— Спасибо вам большое. Эти дни только и делали, что урожай собирали, возвращались — валились с ног, горячего даже поесть нормально не удавалось. Простите за беспокойство.

Ду Ань ответил:

— Мы сами только закончили и заметили, что вас давно не видно. Брат Чжао, что за церемонии! Если б сказали, мы бы хоть с готовкой помогли, зачем так мучиться?

Чжао Ба сказал:

— Мы как-то привыкли, вот и не подумали. В следующие дни, пожалуй, придётся вас потревожить.

Ду Чжунпин спросил, как идёт уборка. Чжао Ба ответил:

— Сорго уже всё собрали, кукурузу ободрали, но ещё не перевезли. Как перевезём — будем не спеша разбираться, уже не так тяжело, как эти дни.

Ду Ань предложил:

— Если так, у нас есть повозка с мулом. Давайте завтра я с вами поеду. Перевезём, а там уж они не спеша будут доделывать.

Ду Чжунпин добавил:

— Если не к спеху, пусть Шэн-гэ останется со мной, по дому поможем. Заодно и горячее приготовим — после тяжёлого дня без этого никак.

Чжао Ба видел, как Фан Шэн выбился из сил в последние дни, и жалел его. Но уговаривать не решался — Фан Шэн всегда был упрям. Теперь, с помощью Ду, тот наконец мог отдохнуть.

Чжао Ба, человек прямой, тут же согласился. Договорились о времени и разошлись по домам.

На следующий день, едва занялась заря, Ду Ань поднялся, наскумь проглотил две лепёшки, запряг мула и с Чжао Ба отправился в поле.

Ду Чжунпин, услышав шум, проснулся, немного поворочался, но всё же встал. Привёл себя и Цзинь-эра в порядок, разогрел вчерашнюю кашу, накормил ребёнка и себя, закрыл калитку и пошёл к соседям.

Фан Шэн действительно уже встал. Когда Ду Чжунпин пришёл, тот как раз подметал расчищенную площадку в восточной части двора.

Ду Чжунпин поздоровался и, держа Цзинь-эра на руках, огляделся. В юго-западном углу двора стоял хлев, а всю западную половину завалили собранными колосьями сорго. Видно, восточную сторону оставили специально.

Ду Чжунпин подошёл к крыльцу, взял с подоконника маленькую скамеечку, усадил на неё Цзинь-эра, дал ему свёрточек с лакомствами в масляной бумаге, велел есть самому и звать, если что, — и пошёл помогать.

Фан Шэн уже закончил подметать. Ду Чжунпин спросил, что делать. Тот улыбнулся:

— Сразу видно, землю не пахали. Вы с Ду Анем на крестьян не похожи. Теперь надо колосья разложить тут, просушить. Через пару дней, когда высохнут, будем молотить.

С этими словами он принялся раскидывать колосья. Ду Чжунпин, смущённо почесав нос, последовал его примеру. Он понимал: Фан Шэн не смеётся. Они с Ду Анем и вправду не знали крестьянской работы. Будь иначе — не пришлось бы объяснять, с первого взгляда ясно.

Фан Шэн, человек спокойный, не обращал внимания на его неуклюжесть. Работали и разговаривали. Ду Чжунпин хоть и ел сорго, но понятия не имел, как колосья превращаются в зерно, которое потом хранят в погребе. Типичный случай: свинину ел, а свињи в глаза не видел.

Зато он обладал одним достоинством: чего не знал — обязательно спрашивал. Тут же и спросил Фан Шэна. Тот подробно объяснил: собранные колосья надо разложить, просушить, продуть. Потом большим каменным катком укатать гумно, разложить просушенные колосья ровным слоем, взять каток поменьше и катать по кругу — сухие зёрна посыплются.

Когда всё обмолотят, дожидаются ветреного дня и веют: подбрасывают зерно вверх — ветер сносит сор, остаётся чистое зерно. Зерно насыпают в мешки, убирают. Но до зимы надо раз в два дня проверять: сунешь руку в мешок — если тепло, снова просушить, а то созреет. Так несколько раз — и можно в погреб. А есть — вынул да смолол.

Ду Чжунпин слушал, кивая. Фан Шэн добавил:

— А весной, перед самым летом, опять просушить надо — тогда жучки заводятся.

Ду Чжунпин рассмеялся:

— Нам до этого ещё год, так что будем смотреть, как вы делаете, и повторять.

Поработали немного — Чжао Ба и Ду Ань уже вернулись с повозкой, полной кукурузы. Пока разгружались, Фан Шэн принёс две пиалы воды. Они выпили и, не задерживаясь, снова уехали.

Фан Шэн сказал Ду Чжунпину:

— Надо успеть, пока погода стоит. С вашей помощью полегче.

Они продолжили работу, разложив уже изрядную часть сорго. За это время Ду Ань с Чжао Ба успели съездить ещё несколько раз. Фан Шэн выпрямился, посмотрел на солнце:

— Давай передохнём. Я обед приготовлю, ты разомнись. Как вернутся — будем есть.

Ду Чжунпин кивнул, потирая поясницу. Работа была не тяжёлой, но целое утро внаклонку давало о себе знать.